

Ольга Болдырева

**КАК РАЗВЕЯТЬ СКУКУ
КАК РАЗДАТЬ ДОЛГИ**

Цикл
«ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ»

**ДОЛЯ ОТЦОВСКАЯ
СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ**

Ольга Болдырева

КАК РАЗГАТЬ ГОЛЫ

Роман

Москва, 2013
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б79

Художник
О. Бабкин

Болдырева О. М.

Б79 Как раздать долги: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 312 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1410-9

Если вы избавились от скуки, не спешите расслабляться. Закон подлости обязательно добавит вашей бессмертной жизни разнообразия и приключений. Например, «любимая» тетушка напомнит про долг, числящийся за неким Темным князем. Всего-то нужно поймать загадочного убийцу, который мешает творцам. Но задание подкидывает хитрые головоломки, и крепнут подозрения, что что-то здесь нечисто. Хотя когда все было просто? Главное, бессмертие на месте и верные друзья готовы примчаться на помощь, даже если их не просили. А уж пособие по раздаче долгов найдется!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1410-9

© Болдырева О. М., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*С благодарностью Зое Фокиной и Александре
Копыловой (Мусаевой)*

Тщательнее всего следует выбирать врагов.
Оскар Уайльд

ПРОЛОГ

— Стой, темный! Стой, кому говорю! Убивать буду! — разносилось по коридорам и галереям Цитадели гулким потусторонним эхом.

Слуги, напуганные тоскливыми подвываниями внезапно появившегося в древних стенах «призрака», прятались по углам и вздрагивали на особо долго растягиваемых гласных.

Ага, напугал ежика, сами знаете чем. Боюсь, боюсь!

Резко затормозив, я остановился посередине коридора и обернулся к догонявшему меня Алиру. Сегодня именно он занимал «почетную должность цитадельского приведения». Для завершения образа ему не хватало только прожжавевших цепей и сташенной из прачечной комнаты большой белой простыни. Я мысленно поставил галочку, что нужно подобрать соответствующий инвентарь.

— Можешь начинать, — великодушно разрешил бывшему рыцарю, а ныне императору Светлых земель, который завис надо мной с топором наперевес.

Друг заметно стушевался, вспомнив замечательную поговорку: «Что совой об пень, что пнем по сове — сове все равно», опустил отнятое по дороге у какого-то рыцарского доспеха оружие и скорбно спросил:

— Я же просил тебя посидеть с детьми! Просил ведь? Именно тебя, а не кого-нибудь другого. Думал, Роберт с Натаном посмотрят эти иномирные мультфильмы, которые ты так расхваливаешь, мол, для разностороннего развития хорошо. А мой друг Габриэль за ними последит, чтобы ничего не случилось. А ты что?

— А что я? — состроил наивную рожицу и стыдливо шаркнул ногой.

— Что?! А то ты не знаешь! — взревел Алир раненым оборотнем: — Ты зачем их на Элли повесил?! Ладно, ваша семейка... у вас и так с головой мало кто дружит, что ни делай, хуже не будет. Но Роберт? Ему ведь в будущем Светлыми землями править! Не знаешь, что ли, нашего ангела...

Я хотел уточнить, что совсем не «нашего», а исключительно моего личного, но только руками развел.

— Объясни по-человечески, что он натворил? Может, мне тоже стоит схватить топор и бежать к Элли — «спасибо» говорить за его выдающиеся педагогические способности?

— Я бы сам очень хотел узнать, что он поставил детям смотреть вместо обещанных мультиков. У меня теперь сына все во дворце пугаются. Ты, Габриэль, только представь — подходит такая кроха и, лучезарно улыбаясь, спрашивает: «Давайте кого-нибудь уьем?»

Алир схватился за голову от ужаса за репутацию своей семьи, а я — за живот, который резко свело от смеха. Да! Представляю эту картину очень живо и четко. Прелесть просто! Хоть попкорном запасайся и вперед — смотреть бесплатный цирк. Министры с советниками и без того не в восторге, что Светлые и Черные земли начали стремительное сближение. Орден истерику за истерикой устраивает, мол, никогда не назовет темных тварей «дружественными расами». Простой народ лютует и обижается, что магов, которых еще год назад сжигали, теперь одарили привилегиями и открыли академию. А уж что говорить про то, как все «счастливы», что правящая семья по выходным заскакивает к Темному князю на чашку чая.

И не только по выходным, к слову.

Всё смешалось в нашем мире. И признаться, я этому очень рад!

— Так в чем проблема? Думаю, это быстро пройдет.

— Да? Он ко мне постоянно пристает с этим вопросом. Что мне отвечать? Чтобы больше Элли не слушал?

— Скажи, что убьете после того, как Роберту восемнадцать исполнится — к такому возрасту точно пройдет.

— А если нет?

— Ну-у, убьете кого-нибудь, в чем проблема?

— Габриэль, это не смешно! Должна же быть у тебя хоть капля ответственности? Сколько тебе лет?

— Много, — ответил, флегматично пожав плечами, и уточнять, что отнюдь не шутил, говоря об убийстве, тоже не стал. — Если честно, не помню, сколько... сбился давно. Да и важен ли возраст, когда вечно молодая душа... — Я покосился на закашлявшегося Алира и исправился: — Ладно, ладно! Не душа, а... ну, в общем, что все время серьезным быть? Скучно! А что с детьми не посидел, да, виноват. Но ты знаешь же, что, если Анабель что-нибудь понадобится, лучше уж отложить все прочие дела.

Бывший рыцарь вздохнул, прекрасно помня характер моей жены — совершенно не эльфячий, надо заметить. Эльфы, они какие? Равнодушные, высокомерные, молчаливые. А Анабель яркая, как солнышко — и обжечь может, и согреть. Надо просто разглядеть это за холодностью взгляда и обманчиво-отстраненным видом, и вот тогда... М-да, в общем, понятно, что влюбленный Темный князь — диагноз.

— Не хотел бы я попасть под горячую руку, особенно в ее положении. — Друг замялся, обсуждать сие ему почему-то было не очень удобно. — Если честно, странно, что вы решили второго ребенка завести.

— Он как-то сам. А что? Будет у Натаниэля сестричка — хорошо.

Алир только головой покачал. Сердиться или убивать меня он давным-давно передумал. Если вообще злился хотя бы несколько мгновений. Бывший рыцарь был очень отходчивым человеком; ругаться не умел. Ну подумаешь, побегал за мной, грозно размахивая топором и распугивая немногочисленных слуг... И случайно свалил доспех на Авуса, который попробовал нас вразумить?.. Кажется, потом мы что-то еще вместе сломали, но что — я точно не помню, — потом исправлю и почию. В конце концов, и

взрослым нужно изредка возвращаться в детство. Ведь это так весело!

Мы неспешно шли по коридору, обсуждая последние новости. Все-таки сложно было менять устоявшийся в веках привычный ритм жизни. За один раз превратить поделенный на две половинки мир в маленькую утопию. Даже мои подданные, которые ничего против объединения не имели и обострением расизма, подобно светлым жителям, не страдали, ворчали, что не дело это — ломать, когда можно просто подвинуть в сторону. И советники недовольны. По их мнению, сближение надо было начинать тихо и незаметно, чтобы оно созрело само по себе и не вызывало у людей отторжения.

Они, конечно, правы...

Но не умею я так. По мне, проще выбить дверь, чем стучаться до посинения. Если после нескольких звонков не открыли, пусть на себя пеняют. Я ведь сам виноват, что мир так устроил и разделил. Думал, действительно все так и есть. И себя относил только к одной стороне, даже не пытаюсь отыскать следы другой. Как оказалось, зря. А потом начало казаться, что уже поздно что-либо менять. И когда судьба неожиданно подбросила мне подарок, понял, что нельзя дальше тянуть с этой глупостью. Надо как можно скорее ломать преграды. И сломал...

Это, все знают, куда проще, чем строить.

Теперь вместе с Алиром приходилось ломать уже собственные головы, чтобы подданные поняли: клыки и острые уши еще не повод причислять себя к высшим расам, верить в свою исключительность и воротить носы от соседей. И уж тем более, магия не является обоснованной причиной, чтобы тащить человека на костер.

Вроде что-то постепенно прояснялось. Благо Радек — новый архиепископ — нас поддерживал и потихоньку проводил в ордене реформы. Медленно, осторожно, с постоянной оглядкой и недовольным бурчанием, но все-таки проводил. Связи, однако...

А вот и детские комнаты.

Улыбка сама собой появилась на моем лице, когда я

проскользнул в открытую дверь. Анабель устроилась в невысоком кресле с какой-то приключенческой книжкой. Светлые волосы были убраны в красивую прическу и закреплены на затылке в аккуратный пучок. Одна рука лежала на заметно округлившемся животе, который обрисовывала ткань простого платья. Напротив нее на ковре играли два карапуза, усердно стараясь поделить игрушки. Светловолосый синеглазый Роберт, названный так в честь отца Хелены, и Натаниэль — моя копия, только глаза и уши от матери достались.

Анабель загнула уголок страницы, отложила книгу и повернулась к нам. Прозрачные глаза с ромбовидным зрачком потеплели и весело прищурились.

— Здравствуй, Алир, — вежливо поздоровалась она, — что-то вы быстро помирились. Обычно двумя кругами дело не заканчивалось.

— Так совет через полчаса. Вот, за своим чудом пришел, а то Хелена меня заточить в темницах грозилась, — бесхитростно рассказал Алир. — Спасибо, что последила. Может, на следующих выходных к нам Натана приведете? Пусть мальчики поиграют. А то всё к вам да к вам.

Я подумал о том, что одушевленный дворец Светлого императора, созданный моей сестрой, очень обрадуется детишкам.

— Хорошо, — просто согласилась сиятельная леди, наблюдая, как Алир поднимает сынишку на руки и просит, чтобы тот больше не пугал его советников.

Затем он тепло попрощался и ушел к себе через большое мутноватое зеркало — я уже давно открыл все проходы, чтобы в любой момент можно было заскочить к друзьям, или они, если что, всегда оставались на связи с Цитаделью.

Еще раз счастливо оглядел свою семью. Эх! Кто же знал, что вот так интересно получится? Светлая эльфийка — Темная княгиня, а сам Темный князь — примерный семьянин. Неправильный у нас мир.

Анабель, кажется, уловила направление моих мыслей и тихо рассмеялась.

— Какой уж есть, Габриэль, в том мире и живем. Что-нибудь случилось?

— Пока вроде ничего. Нужно еще несколько магов отправить на устройство академии. Но такая задача — вдруг люди подумают, что темные собираются их столицу захватить под прикрытием дружеской делегации? И вампиры на границе недовольны: некоторые особо ушлые светлые к своим рукам их землю прибирают. Пойду совет грузить. Только перед этим к Элли загляну, хоть спрошу, что же он вместо мультиков детям поставил...

— Ладно тебе, — Анабель махнула рукой куда-то в сторону, прикрывая глаза, — что бы ни показал — не страшно. Натаниэль, если захочет, самостоятельно все посмотрит. У детей гибкая психика.

И жена туда же.

— Я не про это, — улыбнулся, — самому посмотреть хочется! Так что пробегусь по комнатам в поисках нашего ангелочка, а то они опять с Габриэль куда-то заныкались, и совесть старшего брата требует их немедленно отыскать и развести по разным углам.

Анабель фыркнула и покачала головой,

— И где ты у себя совесть отыскал? Ладно, беги, только на обед не опаздывай.

Поцеловав Анабель и потрепав по голове сына, я, довольный до безобразия, выскочил из детской, шаркая любимыми белыми тапочками. Если честно, никогда бы не подумал, что так интересно весь день бегать по Цитадели, решать задачки и проблемы, которые подкидывала обстановка в мире, действительно что-то делать, а не выслушивать скучные отчеты. Может быть, именно поэтому после дневной гонки вечера становились еще уютнее и теплее. Я молчал и смотрел на огонь в камине, чувствуя, что рядом есть любимая женщина, которая поймет все что угодно, и даже без слов. Знаете, впервые за долгие века я ощущал себя живым существом, а не неудачным экспериментом творца-отступника.

Кстати, о творцах...

Я затормозил и вернулся к зеркалу, мимо которого про-

шел несколько секунд назад. В общем-то самое обычное зеркало, ничем не выделяющееся из других, которых у меня в Цитадели тьма-тьмущая — чтобы из любой точки можно было создать устойчивый переход как в пределах нашего мира, так и в любую реальность: и обитаемую, и необитаемую. Пыльное, конечно, в потрескавшейся раме и висящее немного неровно. Только вот была одна проблемка — вместо моего отражения в глубинах зазеркалья отпечаталась улыбающаяся тетушка Алив.

Когда-то я говорил, что попасть в наш мир просто так невозможно. Забыл уточнить, что есть одно исключение из этого правила. А именно — вышеупомянутая тетушка, для которой законы множественной вселенной не писаны.

Немая сцена и барабанная дробь. Короткого мгновения, пока мы разглядывали друг друга, хватило, чтобы перебрать в уме все известные ругательства, подумать, не совершал ли я в последние дни каких-нибудь глупостей, чтобы привлечь внимание свыше, и составить примерное завещание. Тьма! Ну почему именно сейчас, когда все наладилось? На мгновение я ощутил всю безвыходность ситуации — творцы никогда не оставят меня покое. До тех пор, пока не дам им повода, чтобы можно было снять вето и нарушить клятву.

Впрочем... (тут я с трудом подавил улыбку голодного аллигатора) это также означает, что творцы сами себе повесили на шею камешек приличных размеров и теперь не могут от него избавиться. Еще неизвестно, у кого положение хуже.

Что ж, изображаем обиженного ребенка и начинаем игру!

Секунда прошла. И я снова улыбался своей фирменной беспечной улыбкой инфантильного подростка.

— Доброго дня, тетушка. Может быть, вы заглянете в гости? Неудобно на вас так смотреть. Я вроде пол менять не собирался. А уж в рыжий цвет краситься — и подавно!

— Наглец, — наикрасивейшая женщина покачала головой, — кажется, ты все-таки нарываешься. Очень на то

похоже. Я ведь обещала, что превращу тебя в девочку, если еще раз назовешь меня тетушкой? Если настаиваешь — даже в рыженькую могу, Габриэль.

Алив лукавила, и выдавали ее глаза: несмотря на пустоту, властвующую в них, где-то в самой глубине зеленого цвета вспыхивали яркие искры веселья.

Притворно вздохнул:

— Как же мне вас назвать? Дайте подумать... Может, так: Великая и Пресветлая мать Алевтина, чей взор...

— Не ерничай, таким ты становишься слишком похож на Гэбриэла. Всегда было так, ему слово — тебе десять в ответ. Он был злым, не умел шутить по-доброму, никто никогда не мог понять, когда он действительно говорит комплименты, а когда изошренно издевается. Не переходи границ. И это не приказ, а просьба.

С неподдельной грустью Алив наклонила голову.

— Иногда меня беспокоит, что время, вместо того чтобы стирать его черты в тебе, наоборот, проявляет незначительные мелочи, которые нельзя скопировать, только впитать. Впрочем, сейчас не об этом. Милый мой племянничек, ты помнишь, что когда-то обещал мне оказать небольшую услугу, если в ней появится потребность?

Интересно, что будет, если я скажу: «Нет, не помню!»? Хы-хы-хы...

— Угу.

Надеюсь, это нельзя считать росписью в собственном смертном приговоре. Хей! Я же, кажется, бессмертен? Как-то уже не уверен в этом. Судя по взгляду тетушки, ее мысли устремились в том же направлении. И она откровенно наслаждалась происходящим. Полные губы красиво изогнулись в притворной улыбке, а красные крапинки в глазах пришли в движение, вращаясь по часовой стрелке.

У Алив пунктик на чужих обещаниях и долгах. Очень любит помогать всем окружающим людям, нелюдам и творцам (кого поймать успеет) взамен на клятву как-нибудь потом оказать ответную услугу. Какую именно? Этого она никогда не обговаривает, предлагая веселого кре-

стьянина в мешке. Но момент выбирает настолько «подходящий», что отказать творцу невозможно — слишком необходима помощь.

— Прекрасно, Габриэль, я знала, что ты будешь послушным мальчиком! Даю несколько часов на сборы, после чего встречаю у нас в академии. Перемещайся к нижнему переходу, чтобы не провоцировать лишние сплетни.

Еще бы добавила: «Жду, целую», — точно бы умилился.

Миг — и зеркало снова отразило мою физиономию. Физиономия скосила взгляд и расплылась в хитрой улыбке. Я коротко рассмеялся. Конечно, веселье было здесь не совсем к месту. Ибо, когда дела касаются моей дорогой родственницы, хваленое бессмертие может оказаться бесполезным.

Кажется, я наконец-то доигрался и нажил новых приключений на собственный зад.

Что ж, день определенно удался!

Глава 1

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Добро должно быть с кулаками, если у него нет более современного оружия.

Валерий Серегин

— Элли? — Я закончил манипуляции с силой ангела и позвал его.

— Да, милорд? — Друг оторвался от очень важного занятия — созерцания пейзажа за окном, — и с трудом сфокусировал свой взгляд на мне.

— Ты, пожалуйста, тут за всем проследи. Не давит? Ослабить?

Поскольку меня охватили нездоровые опасения за свое бессмертие, пришлось в срочном порядке половину привязки, принадлежащей мне, перекидывать Элли.

Если говорить проще: отец сделал из меня большую батарейку, связав своей кровью с этим миром. Как я уже когда-то рассказывал — наша реальность уникальна. Все прочие прикреплены друг к другу надежными каналами (проводами, можно и так, да), по которым поступает энергия. Без нее миры быстро превратятся в безжизненные пустыни, а затем и вовсе развеются в междумирье. У меня же есть собственный канал, соединяющийся с Тьмой, — крошечный осколок прошлого. Именно благодаря этому я не знаю недостатка в силе и возможностях, а кроме того, могу питать целый (пусть и сравнительно небольшой) мир силой, позволяя существовать ему отдельно от прочей вселенной. Хотя, думается мне, даже если бы

отец привязал меня к парочке планет — проблем бы все равно не возникло. Говоря еще проще: я — душа этого мира.

А сейчас, продолжая изъясняться все тем же языком, часть этой связи (один провод) я передал Элли и еще один доверил Габриэль.

Это придавало уверенности, что, если вдруг что-то пойдет не так, друг и моя драгоценная сестренка смогут вместе удерживать мир достаточно времени, дабы спасти максимальное количество жителей. И в первую очередь Анабель с Натаниэлем.

Азраэль к сим манипуляциям отнесся равнодушно. Только чуть-чуть обиделся, что я его опять с собой не беру «приключаться». Очень уж нашему милому ангелочку хотелось вляпаться в какие-нибудь неприятности. Его мазохистских настроений я не разделял, хотя, признаюсь, доля нездорового азарта заставляла меня шуриться в предвкушении чего-то фееричного.

Прислушавшись к своим ощущениям, Элли покачал головой:

— Нет, все в порядке, не давит. Милорд, плюнь ты на этот долг. Можно подумать, что они там все святые и всегда выполняют обещания? К тому же, насколько я помню, ты его давал, когда был в слиянии. Сейчас же вы с Габриэль разделились на самостоятельные сущности, и клятву легко проигнорировать. Или вообще заблокируй мир — пусть стучатся до морковкина заговенья, — отшутился он своей любимой фразой.

— Элли, чудо мое пернатое, мозгами раскинь! Только не чужими, а то я тебя знаю: так раскинешь по стенам и потолкам, что все горничные в панике разбегутся. Тут такое дело, что творцы найдут или просто-напросто придумают причину, возможность, повод (нужное подчеркнуть) и снимут вето, отправив меня во Тьму. В этом случае «морковкино заговенье», как ты изволил выразиться, произойдет очень и очень скоро. Алив нашу Пресветлую, что ли, не знаешь? Вскроет защиту, как консервную банку, и не поморщится. Это если бы Хель, Лад или Родная с Ксан-

рдом решили что-нибудь нехорошее устроить, тогда — да, запросто. Я бы с удовольствием посмотрел, как они лбом в стенку стучатся. Но с тетушкой спорить бесполезно. Раз решила — переубедить нереально. Вот если все сделать, возможно, я получу несколько столетий передышки. А Габриэль вообще вмешивать нельзя, иначе выйдет, что на ней тоже долг висит. Ни в коем случае, даже не думай! Сам справлюсь.

— Да? — Ангел склонил голову набок, рассматривая меня с большим интересом доброго, заботливого доктора в отделении душевнобольных.

— С каких это пор ты перестал в меня верить? — возмутился я, но под пристальным взглядом вздохнул: — Хотя бы постараюсь. Элли, если станет туго, я тебя обязательно позову. Но пока ты мне нужен тут. Я буду знать: что бы ни случилось, с моей семьей все в порядке, пока их охраняет мой замечательный друг.

— Милорд, ты меня знаешь. Если я почувствую, не буду колебаться ни секунды. Успокойся и развлекайся.

Нет, возмутительно! Он меня словно на курорт отправляет. Пять звезд, все включено, плюс бонусная программа — «достань творцов». В общем, любой каприз за ваши деньги, нервы и прочее, прилагающееся к вашему телу и душе. Последней — особенно. Хе-хе, особенно интересно, что таковой у меня не наблюдается. И процесс ритуального вытрясания оной разгневанными родичами в список развлечений не включен.

— Ну-ну, — только и оставалось ответить мне. — Пойду загляну к Анабель. Хотя подожди, скажи, что ты детям смотреть поставил? Ужасы? Что-нибудь новенькое? Диск остался?

— Да какое новенькое, милорд?! — удивился Элли. — И не ужасы вовсе! Я решил пересмотреть своих любимых «Охотников за разумом». Детям тоже интересно стало. Не гнать же мне их...

Ага, ну точно — друг обожает такие фильмы, когда на протяжении всего действия самому приходится вычислять злодея.

— Будешь смеяться, — продолжил ангел, — но Натан уже после двух убийств дал правильный ответ.

— А то! Весь в меня! — надулся от гордости, не став вспоминать, что в свое время так и не смог найти предателя, когда все лежало на поверхности. — Ладно, пока. Пойду уже, Алив не любит ждать.

И, кивнув другу, я отправился в обеденный зал, где сейчас должна была находиться моя эльфийка.

Элли на кивок никак не отреагировал, вернувшись к созерцанию пышного сада за окнами своей комнаты. Взгляд скользил по утопающим в белых цветах деревьям, но сознание ангела, похоже, пребывало в невообразимых далях его мечтаний. Выглядел он печальным. Иногда мне очень хочется узнать, о чем же, кроме гор трупов, может мечтать мой странный друг, которого очень редко удается подловить в таком состоянии. Скучает по своему небу? По собратьям? По чему-то другому, о чем никогда никому не рассказывал? Большую часть времени Элли напоминает наивного, очень веселого и доброго ребенка, который обожает не в тему говорить глупости и только изредка показывает другую сторону своей натуры.

Все-таки привязка сильно давит на существо, не приспособленное для прикрепления к миру в качестве источника питания. Но больше доверить это просто некому. Сестренке собственной части хватит по самую-самую макушку. Она, кстати, тоже порывалась со мной пойти. Я отказался, даже немного посердился, чтобы у Габриэль не возникло никакого желания пробраться за мной тайно.

Есть такие проблемы, которые проще решать в одиночку.

Коридоры Цитадели оказались пугающе пусты, словно прислуга почувствовала надвигающуюся из неизвестности угрозу и затаилась в комнатах. До самой залы я не встретил ни единой живой души. Тел тоже не попало. Анабель, как я и предполагал, уже пообедала и теперь задумчиво размешивала в чае кусочек сахара. Она смотрелась совершенно хрупкой и беззащитной за громадиной, которая столон-то называлась исключительно по недора-

зумению и потому, что придумать более подходящее название никто не смог. Кроме моей жены, за ним можно было разместить не один десяток человек. Я-то привык питаться чем попало, на ходу или в комнате, но Анабель нравилось соблюдать традиции, приличествующие княжескому роду. Думается мне, половину она сама придумала или позаимствовала из учебника по этикету. Но я его не читал и спорить с эльфийкой не собирался.

— Привет, извини за опоздание.

Анабель подняла на меня взгляд и улыбнулась. Так понимающе, словно уже все знала.

— Опять надо куда-то бежать и всех спасать?

— Ты меня с каким-то героем перепутала, милая. Всего лишь разобраться с прошлым, которое нагло вмешивается в мое настоящее.

— Ты, главное, к появлению дочки на свет не опоздай. А то не дам поучаствовать в выборе имени, — пригрозила эльфийка.

— Можно подумать, ты уже не придумала его, — покачал головой, устраиваясь на краешке стула и накрывая маленькую ладошку Анабель своей ладонью.

— Нет, есть несколько вариантов. Мне, например, нравится имя Ариэль, но есть еще Мирабель, Ниэль и Керриэль.

— Почему-то я ни капли не удивлен, что все они заканчиваются на «ель» либо на «эль»? Такими темпами нам с тобой придется Элли усыновить — он ведь тоже Азраэль.

Имена мне категорически не понравились, но говорить это вслух я не стал. Все равно никакого толку. Как Анабель скажет — так и будет.

— Я постараюсь вернуться. Честно! Очень-очень постараюсь. И тогда придумаю что-нибудь свое! Договорились?

Анабель откинулась на мягкую спинку стула.

— Договорились. Если постараешься, обязательно вернешься. Это же ты!

— Мне бы твою уверенность. Ты же не знаешь, что там может случиться. Все что угодно, и даже больше — никто

не знает, что выкинет на этот раз случай. И моих родственничков, веселого крестьянина им в дом, не знаешь тоже.

Впрочем, без этого попросту было бы неинтересно.

— Зато я знаю тебя, Габриэль. Не порть настроение ни мне, ни себе. Иди к этим твоим ужасным творцам, и пусть только попробуют тебя подставить! Тогда им никто не позавидует. Удачи.

Поверхность зеркала пошла рябью. Казалось, что за мгновение она превратилась в воду. И на нее старательно дул огромный невидимка, способный своим дыханием возить по морю парусные суда. Затем секунду ничего не происходило, но мне все-таки удалось зацепиться за один из земных каналов. В зазеркальных глубинах отразился унылый подвальчик. Камера перехода — большой прозрачный куб, оплетенный тонким кружевом магии, — оказалась почему-то в дальнем углу. Видимо, на комнату я смотрел из висящего на стене зеркала. Серые стены и низкий потолок с облупившейся штукатуркой заставляли усомниться, что я попал туда, куда хотел, а именно — в межмировую академию. Хотя, признаться, на нижних этажах, о существовании которых знали единицы, были места и куда более неприятные и устрашающие. А уж что содержалось в них, и вовсе не следовало упоминать.

К сожалению, я не мог видеть комнату полностью: магия перехода искривляла изображение в зеркале, и казалось, что я смотрел на тусклую картину. Сбоку виднелись ступени, выложенные кафелем, которые уходили резко вверх, видимо, это был выход из подвала.

Напротив меня за небольшим столом скучала миленькая девушка, уткнувшаяся вздернутым носом в книгу. Пару минут она игнорировала тихий, но настойчивый писк колонок, извещающий о подключении с обратной стороны реальности. И кроме того, в упор не замечала предупреждение, которое должно было появиться на мониторе старенького компьютера.

Ничего странного в этом не наблюдалось: подвалами академии пользовались настолько редко, что вряд ли дежурные могли представить, будто в ближайшие лет пять-сот что-то кардинально изменится. Скорее всего девушка, погруженная в водовороты приключений, воспринимала сигнал так, словно он доносился откуда-то сверху, с других точек прохода.

Постояв несколько минут и внимательно изучив картину, навевающую сон, я вежливо кашлянул, привлекая к себе внимание. Девушка встрепенулась и выронила книжку из рук — она с тихим шелестом упала на пол, закрывшись. Сама дежурная уставилась на меня так, будто я был каким-то неведомым монстром. В глазах, округлившись до размера «блюдца чайные, стандарт», читалось: «Вас, товарищ Габриэль, не существует».

Угу. Сам себе глюк, называется.

— Уважаемая, я устал ждать, пока вы меня рассмотрите во всех подробностях. В конце концов, окажись я по вашу сторону, любоваться было бы намного удобнее. Хотя это и невежливо — разглядывать постороннего мужчину. Прошу предоставить мне проход.

— Как?! — Кажется, девушка меня даже не услышала. — Ведь не было запроса на соединение, это же невозможно... — пробормотала она, уставившись на колебания пространства, которые показывал монитор. Несколько небольших приборчиков, стоящих на полу, гневно попискивали, фиксируя резкие всплески энергии вокруг точки перехода.

Если честно, никогда не понимал, как творцам удалось так органично сплести в академии обычные технологии, проекты далекого будущего и магию. Смотрелось сие дико, но весьма забавно. Ага, как представлю себе, что существуют миры, где эльфы летают на космических кораблях, хоббиты приторговывают краденными бластерами, а драконы бороздят космическое пространство, дурно становится. И жутко завидно. Так и хочется рвануть в неведомые дали, сразаться со злобными космическими пиратами. Про реальности, где для свершения колдовства надо

сначала начертить огромную пентаграмму, тщательно вымерив все лучи до последнего миллиметра, вылить на середину вонючее зелье, которое до этого пришлось настаивать полгода на крови девственниц, а затем скороговоркой быстро-быстро произнести какую-нибудь невыговариваемую ерунду на двадцать минут, — вообще думать не хочется.

Хотя, если вспомнить, сколько я всякой электроники к себе в Цитадель натаскал, заставив, бедную, на магии работать...

Но сейчас о другом. Удивление девушки объяснялось просто. Еще на первом курсе новоиспеченным студентам рассказывают, что ни одно существо во множественной вселенной и всех ее вероятностях (разумеется, кроме творцов и надсущностей вроде Тьмы, Света и тэдэ и тэпэ.) не имеет возможности вот так запросто установить связь с Землей. Без разрешения дежурного, у которого есть список тех, кто имеет допуск на проход в родной мир творцов, сделать это нереально. Поколение подошло к защите своей реальности крайне серьезно. По правилам, сначала можно проложить лишь тоненький канал и передать по нему сообщение, что из такого-то мира, такой-то ничтожный червяк желает установить проход в величайший из миров. И что он нижайше просит разрешения у лучезарнейшего дежурного высочайшего дозволения и огромнейшей помощи в наладке связи.

В общих чертах понятно?

Не виноват же я, что был вычеркнут из учебников, а реальность, созданная отцом, в официальной версии считается сказкой и грубой клеветой в сторону всемогущих творцов! Кстати, интересно, что в этих самых учебниках говорится про самого Гэбриэла?

В принципе, что я, что Элли — мы можем перемещаться вообще без таких идиотических ритуалов. Никаких заклятий или пентаграмм, даже зеркала необязательны — они всего лишь помогают стабилизировать точку перемещения. Когда прыгаешь в пропасть, это может спасти нервы, которые лишними, как известно, не бывают. А для

смертных — так и вовсе жизнь. Но на самом деле все эти связки, ритуалы, традиции и проходы — все равно что идти два часа в обход, когда можно просто переступить через порог.

При наличии способностей, конечно.

Обычные существа без таких вот шаманских плясок с бубнами не могут обойтись. Но сейчас акцентировать лишнее внимание на своих талантах не хотелось. И так уже поломал девчонке все представление о мироустройстве. Бедняга. Хотя, что мне терять? Больше двух козырей за пазухой опасно прятать. А повеселиться хочется, Тьма!

Давайте-ка еще чуть-чуть добавлю.

— Поверьте, для творца нет ничего невозможного. Скажите спасибо, что я вообще сначала на связь вышел. Итак, повторяю: мне нужен прямой проход. Вы меня понимаете?

Девушка судорожно сглотнула и резко кивнула, потом, наоборот, помотала головой.

— Но разрешение...

Я вздохнул так печально, словно неразумное, но любимое дитя опять ткнуло родителю вилкой в глаз.

— Вы хотя бы поняли, кто перед вами? Посмотрите еще раз и подумайте, нужно ли мне персональное разрешение. Если и после этого будете упрямствовать, отправьте запрос к Пресветлой, которая меня, кстати, и пригласила. Я вам даже ключ допуска дам. Идет?

Дежурная приглушенно пискнула. Эта девчонка явно не обладала большими способностями и относилась к той категории служащих, которые мечтали о спокойной жизни и специально выбирали сектора, где принципиально не могло произойти ничего такого, что привлекло бы внимание начальства.

А тут на тебе!

Добивающим ударом стало появление тетушки Алив. Творец привычно соткалась из воздуха за спиной девицы, мгновение изучала обстановку, после чего промурлыкала:

— Габи, хватит терроризировать служащую. Она всего лишь честно выполняет свою работу. И не надо говорить,

что ты не можешь переместиться сюда без разрешения. Кто два месяца назад устроил землетрясение, не рассчитав прыжок?

Шаркнув ножкой и смущенно улыбнувшись, я переместился к столу дежурной, вызвав у бедной девушки судорожный всхлип. Она-то, наверное, до этого разве что кого-нибудь из младших поколений видела, а теперь аж два творца. Точнее, она думала, что два. Не знаю, что за игру затеяла Алив, но мне в ней отведена не последняя роль.

— Подумаешь, землетрясение? Надо ли напоминать, кто с восхищенным воплем: «Какая красивая комета, хочу посмотреть поближе!» — отправил в Хаос ни в чем не повинных динозавров?

— Это была Стаси, — ровно ответила Алив.

— Осталось сообщить об этом самой Стаси, — согласился я, краем глаза наблюдая, как дежурная пытается заныкаться под стол. — Ладно, — попытался сделать тон серьезным, — меня, кажется, не за этим сюда позвали. Я хочу услышать, что требуется, и как можно быстрее приняться за дело.

Тетушка некрасиво поджала губы, словно в ее планы входила длительная беседа на отвлеченные темы. О погоде, о политике, о ценах на продукты в мире смертных, о проблемах в какой-нибудь отдаленной вероятности. Обо всем, кроме действительно важного. Та-а-ак! Что-то тут явно не чисто. Вот с чего бы творцу спорить: кто и когда устроил какой катаклизм? Да еще на глазах у перепуганной служащей. Это ведь только я в тетушке вижу стервозную, жестокую женщину, владеющую достаточным количеством силы для того, чтобы я не стремился сильно злить Пресветлую. А для остальных она олицетворение надежды, добра, милосердия... и прочих красивых слов. Не даром же ее, собственно, и прозвали Пресветлой. Хотя рядом с Хель — тетушка просто воплощение мягкосердечия, тепла и человеколюбия.

Все, как говорится, познается в сравнении.

— Хорошо, — наконец ответила женщина, тряхнув тяжелыми, до плеч кудрями. Сегодня они отливали медью, в

густой длинной шевелюре затерялась лишь пара разноцветных прядей. — К делу, значит, к делу, если настаиваешь. Только не здесь. И, Габриэль...

— Да? Я внимательно слушаю.

— Мне неприятен этот искусственный облик подростка, страдающего дистрофией. Не понимаю, почему ты так себя уродуешь. Только ради твоей эльфийки, которая сама выглядит малолеткой и из-за этого страдает комплексом неполноценности? Смени его, стань собой.

Просьба оказалась не неожиданной, но крайне неприятной. Я терпеть не могу видеть в зеркале вместо себя отражение отца. С трудом вдавливаю в сознание простую фразу: «Я — не он».

— Мне все равно, какова моя внешность. И если Анабель хочется видеть своего мужа именно таким, так тому и быть.

— Но здесь нет твоей жены, и она вряд ли тут появится (если же это произойдет, можешь измениться как угодно). Пока будем считать это одним из пунктов сделки. Сними иллюзию, Габриэль. Не вынуждай меня просить еще раз. Знаешь же, как я это не люблю.

«Конечно, конечно, тетушка! — мелькнула ехидная мысль, — ты в совершенстве умеешь приказывать, а любое твое желание угадывается заранее. Когда последний раз кто-то осмелился тебе отказать? Тысячу лет назад? Десять тысяч? Еще дольше? Но вот просить ты разучилась еще раньше!»

— Как пожелаете.

Я повернулся к небольшому зеркалу, которое висело с этой стороны прохода. В нем давно погасло изображение дворцового коридора, и теперь отражались серые стены. Щелкнул пальцами, снимая уже ставшую родной иллюзию, и сразу же изменил одежду, чтобы она не разошлась по швам. Сколько лет я привык видеть себя в зеркальных глубинах подростком едва ли старше шестнадцати лет, со смешными красными прядками в длиннющей шевелюре? Много. Пока действовало слияние и потом, когда Анабель попросила меня остаться таким, каким и увидела ранним

утром за столиком таверны. Долгие годы я ощущал себя подростком и был этим вполне доволен. Так проще жить. Многие ведь от настроения зависят, а дети всегда видят мир проще.

Последним изменилось лицо.

— Отступник? — с ужасом прошептала дежурная.

Из зеркала теперь на меня смотрел взрослый мужчина. Крепкий, высокий. Слишком похожий на отца. Даже глаза утратили привычный масляно-черный цвет, заливающий как радужку, так и белок, и сейчас по ободку обрели янтарную полоску. Сам взгляд тоже был его: твердый, изучающий, лишенный присущих мне искорок веселья и ехидства.

«По образу и подобию своему...» — кажется, это звучало именно так.

Что ж, если к роли прилагается еще и маскарадный костюм с маской, глупо этим не воспользоваться. Должно быть, весело изобразить из себя великого и ужасного Отступника.

— Да... — встав за моей спиной, чтобы тоже отражаться в зеркале, вздохнула Алив.

Если раньше женщина была со мной одного роста, то теперь доставала только до плеча.

— Все-таки любит время играть. Даже мы, творцы, не можем ничего сделать с ним. Не переживай, Габриэль. Как только ты закончишь тут, можешь снова притворяться инфантильным подростком. Пойдем ко мне в кабинет. Я расскажу, что случилось, почему мне понадобилась... нам, — поправила себя женщина (я заметил, как красные крапинки в ее глазах пришли в движение), — понадобилась твоя помощь, и что конкретно нужно будет сделать.

Она первой направилась по лестнице вверх к узкой железной двери. Ослабив лямки рюкзака, которые теперь жали, направился за тетушкой, пытаясь сообразить, что же приготовили для меня. И признаться, чувствовал себя ребенком, который в день своего рождения смотрит на родителей: что же вы подарите мне? И да, кстати, почему из-

менить облик потребовалось именно тут, а не в ее кабинете, куда мы все равно придем?

Только когда Алив толкнула рукой дверь, пропуская в подвал шум начавшийся перемены, я понял, к чему было это перевоплощение.

— Здравствуй, психбольница! — Мой возглас разрушил мертвую тишину, воцарившуюся в коридоре.

Буквально минуту назад студенты и преподаватели покинули аудитории и спустились в вестибюль (в который и вела лестница из подвалов), спеша добраться до следующих классов, буфета, туалета или долгожданной свободы, ожидающей некоторых счастливиц после скучных занятий. Люди и нелюди переговаривались и смеялись, что-то обсуждали или громко спорили. А теперь замерли, словно кто-то очень могущественный обратил их в камень, заставив дыхание оборваться, а сердца перестать биться.

И смотрели они отнюдь не на Величайшую, каждое явление которой превращалось в праздник. Взгляды всех присутствующих в вестибюле оказались прикованы ко мне. И что это были за взгляды! Страх, суеверный ужас, паника, смятение. И ненависть. Такая, что — как там обычно говорят? — если бы взглядами научились убивать, я бы точно помер, невзирая на свое бессмертие. Что ж такого о моем отце в учебниках написали? В груди шевельнулся осколок прежнего меня, каким я был до слияния. Сила услужливо сконцентрировалась в ладонях, готовая атаковать наглецов по первому приказу. Это, как ни странно, остудило меня и заставило беззаботно улыбнуться. После чего я громким шепотом осведомился у бессовестно наслаждающейся моментом Алив:

— А что это они на тебя так смотрят? Все-таки проиграла Хель то пари и станцевала в столовой стриптиз? А почему меня не пригласила?

Тьма! И кто меня за язык тянул?! Вот куда теперь трупы-то девать?

Нет, пока еще никто не помер. Именно пока! — последнее слово подчеркнуть два раза. Судя по тому, как некоторые личности начали задыхаться после моего заявления, скоро кому-то придется оказывать первую (а то и последнюю) помощь. Ну да, скажи, что я северный олень, а здоровенный мрачный дядька с лицом местного кошмара всем исключительно примерещился, и то реакция была бы менее эффективной.

— Габи, как ты мог такое подумать? Я бы обязательно на такое представление пригласила тебя.

Нежному голоску Алив, который напоминал перезвон серебряных колокольчиков (вроде именно такие метафоры используют романтики для описания дивных голосовых данных), никак не подходило зверское выражение ее правильного лица. Оно обещало мне скорое помещение в пыточную камеру и долгое пребывание в оной наедине с палачом, отнюдь не за ведением бесед на философские темы.

— Не стой столбом, Гэбриэл, нам надо многое обсудить. Идем же ко мне в кабинет.

И Алив деловито потащила меня за собой, словно собачку на поводке. За неимением последнего, она вцепилась мне в руку так, что я невольно вскрикнул от боли, ибо длинные, выкрашенные в светло-зеленый цвет ее ногти пропороли и рубашку, и кожу. Точно, в пыточную! Хотя после того как меня обозвали именем отца, приняли за него, еще и в кабинет утащили (мысли-то у современной молодежи все время не в ту степь ускакать пытаются) — по мне уж лучше сразу в морг! Думаю, у академии такой имеется в наличии, и для меня там найдется уютное холодненькое местечко.

— Куда же так спешить? Если мало времени, чтобы все сделать, могла бы и пораньше про долг напомнить!

Лифты Алив успешно проигнорировала из-за их жуткой перегруженности студентами, решив воспользоваться лестницей (причем бегом, на ходу преобразовав длинную тунику в коротенький сарафан, дабы удобнее было перепрыгивать несколько ступенек за раз). И на двадцатом

этаже я почувствовал себя выжатым досуха лимоном. А еще остро пожалел, что в последний год забросил тренировки. Съеденный же за завтраком приличный кусок сладкого пирога неведомым образом трансформировался в организме в несколько пудов железа и тянул прилечь.

Зато Пресветлая не стала останавливаться и убивать за то, что перешел с ней на «ты». Хотя, если учесть, что на меня повесили роль собственного отца, то придется тыкать всех творцов. Вот веселье! И нет, я не держу в уме большие кавычки.

То за сына всякие светлые недотепы принимают, то за отца. За самого себя я, видимо, сойти никак не могу. Кого дальше мне играть придется? Сестру? Жену? Домашнее животное? Веселого крестьянина? Вот она, обратная сторона бессмертной жизни темных князей. Хе-хе-хе.

— Может, помедленнее?

Тренировки, милые мои, любимые! Простите меня, негодяя такого! Честно-честно, вот вернусь домой — сразу возобновлю вас. И не буду по ночам на свою собственную кухню пробираться. Ага, вместе с Анабель в поисках чего-нибудь вкусного — тортика там или салатика.

— Слабак, — живо диагностировала тетушка и удвоила темп, — будешь знать, как прилюдно меня оскорблять!

Тогда уж «пристудентно» и «припреподавательно»: людей в той толпе процентов десять от общей массы было. И то с натяжкой.

В сознание лениво поскреблась мысль, что, когда я в последний раз видел академию снаружи, у нее было максимум этажей пять. Так что либо у меня очень серьезные проблемы с математикой, либо на здании висит мастерская иллюзия. А кабинет Алив может находиться и на этом этаже, и вообще где-нибудь в районе девятого неба.

Я попал.

Но нет, обошлось. На следующем этаже мы завернули в длинный коридор. Он отличался тем, что ноги сразу же утонули в мягчайшем ворсистом ковре, а со стен на запыхавшегося Темного князя сурово воззрились портреты творцов, перемежающиеся с прекраснейшими пейзажа-

ми, преимущественно почему-то осенними. И ни следа студентов. Думаю, сюда эту ораву дикарей не пустили бы ни под каким видом.

Сидящая у дверей секретарь выронила из тонких пальчиков пудреницу (кажется, совсем недавно я уже видел что-то очень похожее, никакого разнообразия!). В зеркальце оной девушка как раз любовалась собой перед нашим появлением, а после него размашисто прочертила красной помадой линию на щеке, слегка промазав мимо пухлых губок. Сам рот молодой женщины принял правильную форму буквы «о». Н-да... а я-то думал, что такое только в комедиях случается. Ошибался, значит.

— Я к себе! Не беспокоить! — рывкнула тетушка.

И все-таки могу поспорить: творец устала после скоростного забега на такую высоту не меньше меня, но скрывала это значительно успешнее.

— Если кто сунется, зубами порву, — уже спокойнее добавила она.

Надо сказать, такой тон подействовал лучше рычания сердитой тигрицы. Секретарь нервно сглотнула и робко кивнула. Меня протащили по коридору до его конца. Потом минуты две тетушка пыталась нашарить ключи по несуществующим карманам, наконец вспомнила, что она вообще-то могущественный творец, и открыла дверь магией.

Я послушно зашел за Алив в просторный кабинет, больше напоминающий квартиру класса «люкс». Состояла она из нескольких закрытых комнат. Мы же прошли через просторный холл в небольшую гостиную: только ее дверь оказалась гостеприимно распахнута. И надо сказать, была эта комната обставлена достаточно просто. До аскетизма, конечно, далеко, но ничего лишнего. Светлые стены, едва ли отличающиеся от потолка на половину тона, большое окно, почти во всю противоположную стену, задрапировано ажурным тюлем. Пара низких кресел, комод — все цвета слоновой кости. У окна же абсолютно пустой стол. Ни ручки или карандаша, ни клочка бумаги.

Не спрашивая разрешения, я расположил себя в одном

из кресел, вытянув ноги и расслабленно прикрыв глаза. Женщина устроилась в соседнем, почти в идентичной позе, разве что предварительно создав себе стакан с каким-то прохладительным напитком.

— В твоём деле время особой роли не играет... — Моя логика забастовала, требуя отправить ее на заслуженный отдых или сразу на пенсию. — Хотя, конечно, чем быстрее справишься, тем лучше. А спешу совсем по другой причине. — Логика успокоилась, свернула транспаранты и извинилась. — Совет утвердил дату казни одной из моих игрушек. Мне нужно самой будет привести приговор в исполнение.

Я приоткрыл один глаз, насторожившись. Если вспомнить про мои мысли касательно «задания», то разговор о казни показался мягким намеком на вероятный исход этого закрутившегося безобразия. Ничего, ничего. Мы еще посмотрим, кто будет гнусно хихикать последним.

— Почему именно ты? Неужели согласилась сама ручки замарать об игрушку? Ни за что не поверю, что не нашлось других палачей.

— Не нашлось, Габриэль, — отозвалась Алив, — увы, *этот* приговор могу исполнить только я. Его ждет *полное* развоплощение.

Признаюсь, я сглотнул. Лучше уж кануть во Тьму, чем то, что сейчас тетушка озвучила. Ведь при полном развоплощении от существа не остается ничего. Само Время (в данном случае именно с большой буквы) стирает приговоренного, его следы и память о нем. Нет, мне это все категорически не нравится.

— А ведь такой перспективный мальчик был! — неожиданно тетушка с такой силой сжала стакан, что он треснул, поранив женщине ладонь, и бесполезными осколками осыпался на ковер, пачкая его кровью и недопитым соком. — Я даже в какой-то момент подумала, что смогла найти нового творца. Понимаешь, Габриэль? Полноценного творца, а не те жалкие подобия, которые рождаются сейчас. А какой у него был потенциал! Почти тень... быть может, отражение. Я даже начала верить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i> . Суть проблемы	14
<i>Глава 2</i> . Как пройти в библиотеку	35
<i>Глава 3</i> . Следствие ведут...	54
<i>Глава 4</i> . В чужой монастырь...	72
<i>Глава 5</i> . Бояре, а мы к вам пришли!	91
<i>Глава 6</i> . Семейные посиделки	110
<i>Глава 7</i> . Старый враг лучше новых двух	126
<i>Глава 8</i> . Ловушка Хаоса	139
<i>Глава 9</i> . Проблемы во сне.	156
<i>Глава 10</i> . Лабиринт грез.	169
<i>Глава 11</i> . Петля затягивается	185
<i>Глава 12</i> . Пазлы	199
<i>Глава 13</i> . Следующий ход.	214
<i>Глава 14</i> . Венец всему	226
<i>Глава 15</i> . Повод для праздника	239
<i>Глава 16</i> . Лазейка	253
<i>Глава 17</i> . Райский сад	269
<i>Глава 18</i> . Ход ангелом	286
<i>Эпилог</i>	308